

23/756.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

С. В. СОЛОВЬЕВА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская, Клещевскій пер., № 3.

1913.

~~IX-2114~~

2484(2)711g
2448.4(4400)708g

2448.4(4400)708g

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

С. В. СОЛОВЬЕВА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ Конторская, Клещевскій пер., № 3.

1913.

8 66 79 87 89 08 99

† С. В. Соловьевъ ¹⁾.

4 апрѣля 1913 г. на 51 году жизни скоропостижно скончался профессоръ Харьковскаго университета по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы, скончался въ полдень, на извозчикѣ, на пути на лекцію на высшихъ женскихъ курсахъ, въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, въ самый разгаръ учено-педагогической дѣятельности. Въ сжатой, окостенѣвшей рукѣ была плата извозчику; человекъ этотъ—никого не обижавшій—и, умирая, думалъ о соблюденіи интереса ближняго.

Вѣсть о кончинѣ С. В. громомъ поразила его друзей, товарищей, учениковъ, а въ моемъ сердцѣ отозвалась чувствомъ невыразимой скорби, такъ какъ я въ лицѣ покойнаго потерялъ моего лучшаго друга и любимаго товарища.

Чудный это былъ человекъ! Джентльменъ до мозга костей, высокообразованный, нѣжный сынъ, прекрасный товарищъ, безукоризненно чистая, благородная душа; никогда ни одного грубаго выраженія, ни одной сальности. Его душевный міръ всегда былъ міромъ прекраснаго, чистаго и добраго. Невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ и какъ могла вырасти эта натура, чудная по нравственной чистотѣ и

¹⁾ Настоящая статья представляетъ переработанный и дополненный некрологъ С. В. Соловьева, напечатанный мной въ № 11344 „Южн. Края“.

благородству характера, въ наше въ общемъ грязноватое время разныхъ недоброкачественныхъ наслоеній; гдѣ и какъ онъ устоялъ въ своихъ лучшихъ помыслахъ и чистыхъ настроеніяхъ?

Основная ячейка, изъ которой вышелъ профессоръ-гуманистъ,—хорошая, интеллигентная семья: отецъ врачъ, мировой посредникъ „перваго призыва“, умная мать, любившая музыку, два сына—почти однолѣтки, оба очень даровитые, съ художественными наклонностями: старшій Алексѣй, скончавшійся въ 1891 г., писалъ стихи и готовился къ профессурѣ по философіи, второй—Сергѣй—прекрасный стилистъ, нынѣ покойный профессоръ.

Въ прошломъ 1912 году товарищи, друзья и почитатели С. В. справляли 25-лѣтіе его учено-педагогической дѣятельности, и тогда уже вполне выяснилось, какимъ большимъ уваженіемъ и какой любовью онъ пользовался въ университетѣ, на женскихъ курсахъ, среди иногороднихъ ученыхъ. Въ адресѣ факультета отмѣчены были его широта и разносторонность, прекрасная литературная форма его изслѣдованій, духъ гуманности и высокаго идеализма. Товарищи по университету единодушно и искренно привѣтствовали С. В., какъ преданнаго и вѣрнаго сына харьковского университета, неизмѣнно доброжелательнаго и корректнаго члена профессорской коллегіи, человѣка благородной души и высокихъ идеальныхъ стремленій. Въ адресѣ историко-филологическаго Общества отмѣчены были многочисленные, интересные научные доклады, живыя публичныя лекціи, чуткое и отзывчивое отношеніе къ дѣятелямъ науки. Въ адресѣ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ ярко обрисованы изящная форма его лекцій, художественное ихъ построеніе богатое внутреннее содержаніе и общій гуманный ихъ характеръ.

Лекціи С. В. представляли гармоническое сочетаніе серьезнаго, солиднаго содержанія и мягкой художественной формы, тѣмъ болѣе цѣнное, что въ этомъ изяществѣ мысли и слова не было ни малѣйшей рисовки, и красота формы была естественнымъ отраженіемъ красоты проникавшаго лектора духа истины и добра, въ ихъ внутреннемъ сочетаніи.

С. В. въ послѣднее время былъ деканомъ историко-филологическаго факультета на высшихъ женскихъ курсахъ; онъ несъ эту трудную обязанность съ рѣдкимъ тактомъ и съ чрезвычайной коллегіальной осторожностью, предусматривая заранѣе тренія и устраняя всякую остроту личныхъ неудовольствій.

Въ университетѣ покойный былъ дорогимъ членомъ факультета, посѣщалъ всѣ засѣданія, вникалъ въ ходъ дѣла, безропотно принималъ на себя порученія, въ томъ числѣ такое тяжелое и неблагоприятное, при неоплачиваемости, какъ экзаменъ по французскому языку,

охотно помогать товарищамъ въ переводѣ трудныхъ текстовъ, лично никого не утруждая какими-либо просьбами или порученіями.

С. В. читалъ въ университетѣ разнообразныя курсы—средне-вѣковыя литературы, нѣмецкую и французскую литературу XVIII в., провансальскую лирику, разбиралъ на практическихъ занятіяхъ Пѣснь о Нибелунгахъ; въ итогѣ получался большой и разносторонній курсъ. Передо мною сейчасъ лежитъ одобренная С. В. къ майскимъ экзаменамъ программа для студентовъ и курсистокъ, изъ 32 вопросовъ. Вопросы 1—4 посвящены провансальской поэзіи, 5—6—мин. незангу въ его соотношеніяхъ къ провансальской поэзіи, 7—провансальскимъ вліяніямъ въ Италіи и Данту, 8—9—рыцарскому эпосу во Франціи (*Chans. de gestes*, Карлъ Великій), 10—германскому эпосу (Нибелунги, Дитрихъ Бернскій и пр.), 11—12—рыцарскому роману во Франціи и въ Германіи, 13—Вольфраму фонъ-Эшенбаху, 14—Готфриду Страсбургскому, 15—символической и аллегорической литературѣ (Романъ Розы и др.), 16—о вліяніи городовъ (фаблій, швенки, Чосеръ), 17—средне-вѣковой драмѣ (мистеріи, миракли, фарсы), 18—20—италианскому гуманизму (Петрарка, Боккачю, Аріосто, Тассо), 21—22—германскому гуманизму (Рейхлинъ, Эразмъ, Гуттенъ, Лютеръ), 23—французскому гуманизму (Рабле, Монтань), 24—испанской литературѣ (Сервантесъ), 25—англійской (Шекспиръ), 26—28—французскому ложноклассицизму (Корнель, Расинъ, Мольеръ), 29—30—нѣмецкой литературѣ XVIII в. (Лессингъ, Шиллеръ, Гете), 31—32—французской литературѣ XVIII в. (энциклопедисты, Монтескье, Вольтеръ, Руссо, Бомарше).

Такимъ образомъ, С. В. въ университетскомъ курсѣ далѣе XVIII в. не шелъ, и, понятно, трудно идти далѣе, при данной широкой постановкѣ общаго курса; но въ своихъ спеціальныхъ работахъ, въ печати, въ докторской диссертациіи онъ пошелъ далѣе, въ XIX ст., причемъ главнымъ образомъ облюбовалъ литературу французскую, потому что прекрасно зналъ французскій языкъ, имѣлъ друзей среди французскихъ ученыхъ, сотрудничалъ во французскихъ изданіяхъ. Онъ любилъ В. Гюго, основательно изучалъ его произведенія, очень интересовался Жоржъ-Зандъ, возлюбилъ всей душой гуманнаго поэта Мистрала, въ послѣдніе дни своей жизни готовилъ для печати статью о М-те де Сталь. Въ день его скоропостижной кончины незаконченная рукопись о де Сталь лежала раскрытой на его столѣ.

Въ историко-филологическое Общество С. В. поступилъ въ 1888 г., пробылъ въ немъ 25 лѣтъ, причемъ его дѣятельность съ теченіемъ времени дѣлалась все болѣе интенсивной, и въ послѣдніе годы—можно сказать—не проходило ни одного засѣданія безъ его доклада, всегда содержательнаго и интереснаго.

Въ разное время С. В. сдѣланы въ засѣданіяхъ Историко-Филологическаго Общества слѣдующіе доклады: 1) Мученіе Іуды въ легендѣ и въ искусствѣ. 2) Западныя легенды о воскресномъ покоѣ грѣшниковъ въ аду. 3) Научная и преподавательская дѣятельность А. И. Кирпичникова въ Харьковскомъ университетѣ. 4) Ж. Сандъ (по поводу юбилея). 5) Л. Ю. Шепелевичъ. 6) Новая Сорбонна. 7) Бреславльскій университетъ и его юбилей. 8) Франко-славянское Общество и русская литература во Франціи. 9) Семеновъ и Мистраль. 10) Лѣтнія собесѣдованія въ аббатствѣ Понтины. 11) Л. Толстой въ оцѣнкѣ французской критики.

Доклады онъ дѣлалъ всегда, стоя, въ формѣ живого слова, обращеннаго къ аудиторіи. Въ послѣдніе годы С. В. охотно дѣлился своими впечатлѣніями послѣ лѣтнихъ поѣздокъ въ Германію и Францію, говорилъ о своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ западными учеными, объ успѣхахъ научнаго и литературнаго общенія на Западѣ, о положеніи заграницею русскаго языка и литературы.

Многokrатно С. В. выступалъ съ публичными лекціями отъ имени Общества, отдавая весь сборъ на его изданія; въ его мысляхъ роился рядъ новыхъ предположеній о новыхъ лекціяхъ,—о Жене-невѣ и Руссо, о замкѣ Вартбургѣ и др.

С. В. горячо отзывался на потери Общества при кончинѣ его членовъ (напр. проф. Кирпичникова, проф. Рѣдина, проф. Халанскаго) и съ радостью шелъ на встрѣчу всѣмъ живымъ его дѣтелямъ, какъ дѣятельный вкладчикъ въ изданные въ честь ихъ сборники научныхъ статей и, мало того, очень усердный редакторъ приготавлиаемаго къ печати XXI т. Сборника.

Въ текущемъ году С. В. впервые попалъ въ положеніе руководителя одной изъ лучшихъ въ городѣ гимназій въ званіи председателя педагогическаго совѣта; въ этой, совсѣмъ для него непривычной и чуждой роли, онъ быстро освоился и проявилъ свойственный ему личный тактъ, рѣдкое по чуткости и добротѣ сердце, умѣніе разобратъся въ мелочахъ служебно-педагогической практики, не задѣвая личныхъ самолюбіи, проводя лишь принципъ служенія дѣлу, добру, наукѣ. Этотъ человѣкъ, совершенно чуждый узкаго и сухого бюрократизма, несомнѣнно, обладалъ административнымъ талантомъ и, благодаря ясному уму и чуткой совѣсти, быстро ориентировался во всякомъ положеніи.

С. В. былъ человѣкъ искренне-религіозный, при полной вѣро-терпимости и безъ узкихъ пристрастій. Его всегда можно было встрѣтить въ университетской церкви въ числѣ немногихъ постоянныхъ посѣтителей храма. Его трогали церковныя пѣснопѣнія. Торжественная

обстановка Срастной недѣли была близка его сердцу. Дни кончины отца, матери, брата онъ свято чтить, служилъ панихиды, отдавался горестнымъ воспоминаніямъ. Въ эти дни онъ остро чувствовалъ свое семейное одиночество и иногда жаловался на него близкимъ ему людямъ.

Безсемейные, одинокіе люди часто черствѣютъ, обращаются въ узкихъ, холодныхъ эгоистовъ. Скрупулезно и мелочно они слѣдятъ за своимъ желудкомъ, письменнымъ столомъ, книжнымъ шкафомъ; но бываютъ одинокіе люди другого душевнаго склада, которые, полное любви сердце, отдаютъ своимъ друзьямъ, народу, тѣнямъ дорогихъ умершихъ. С. В. шелъ въ ряду любящихъ одинокихъ. Онъ первый спѣшилъ навѣстить больного товарища-профессора и окружалъ его своими заботами; онъ не упускалъ изъ виду больного слушателя-студента и, въ случаѣ его отъѣзда по болѣзни или инвалидности, вступалъ съ нимъ въ переписку, посылалъ книги, ободрялъ. Такъ было недавно съ однимъ талантливымъ студентомъ, впавшимъ въ меланхолію и бросившимъ университетъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда С. В. приходилось входить въ общеніе съ народомъ, въ его лицѣ выступалъ сынъ врача—гуманистъ и другъ крестьянина, что случалось чаще всего у него въ имѣніи, гдѣ онъ въ широкой степени практиковалъ лѣченіе крестьянъ, выдавалъ безплатно лѣкарства, а въ холерный годъ поднялся на такую героическую ступень, что отказался отъ поѣздки за-границу, чтобы остаться вблизи селянъ и помогать имъ словомъ и дѣломъ. Уйти изъ имѣнія въ такое тревожное время—въ глазахъ окрестныхъ селянъ означало бы, что панъ перепугался и бѣжалъ, что онъ бросилъ своихъ земляковъ, и С. В. рѣшилъ остаться; судьба, а быть можетъ и его заботы привели къ тому, что мѣстное населеніе не пострадало отъ эпидеміи.

С. В. не владѣлъ украинскимъ языкомъ, но, проживая среди украинскаго народа, онъ питалъ къ нему расположеніе. Увлекаясь сильно новой провансальской литературой, главнымъ образомъ, какъ онъ самъ признался въ докторской диссертациі, по причинѣ ея ярко выраженного гуманитарнаго направленія, простоты, искренности и любви къ обездоленнымъ, С. В. не могъ не признавать такого близкаго, еще болѣе обездоленнаго явленія, какъ украинское литературное и народное слово. Онъ ознакомилъ какъ-то меня съ наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи стихотвореніями новыхъ провансальскихъ поэтовъ—Жасмэна, Обанеля и Мистрала, болѣе того, онъ внесъ ихъ—эти гуманныя стихотворенія,—тѣ самыя, о которыхъ съ похвалою говорилъ мнѣ,—въ свою докторскую диссертацию съ построчнымъ русскимъ переводомъ, по слѣдующему поводу.

Въ 1837 г. узкій французскій патріотъ централистъ Дюмонъ въ рѣчи о провансальскомъ языкѣ поставилъ вопросъ—„mais cette

!langue elle même doit elle Vivre?“, т. е. можно ли еще признать право на существование, и отвѣтилъ такъ—je ne l'espère pas (не думаю), òu plutôt, je ne le souhaite même pas“ (или точнѣе, я совсѣмъ того не желаю).

Въ отвѣтъ Дюмону провансальскій поэтъ Жасмэнъ въ стихотвореніи отвѣчалъ: „Не спѣшите, господа, хоронить нашъ музыкальный языкъ. Французскіе ученые уже триста лѣтъ, какъ приговорили его къ смерти, а языкъ все таки живетъ; проходятъ годы, а его слова все звучатъ... Это языкъ труда! Онъ вступаетъ въ союзъ съ человѣкомъ отъ колыбели. О, господа! такой языкъ не исчезнетъ, и его нельзя уничтожить... Въ родномъ языкѣ есть нѣчто мистическое. Народъ хранить свой языкъ... Вы стѣной отдѣляете мать отъ ребенка; браните насъ, создаете изъ французскаго языка идола..., но нашъ родной музыкальный языкъ всегда будетъ намъ матерью. Провансальскій языкъ старое дерево; но на немъ еще много листьевъ, и корни его глубоко сидятъ въ родной землѣ“.

Немного позже Обанель писалъ: „Мы любимъ благословенную Францію такую, какую создалъ Богъ и вѣка; мы хотимъ, чтобы, вспоминая о предкахъ и прошлой славѣ, бретонецъ свободно говорилъ по-бретонски, баскъ по-баски, провансалецъ по-провансальски. Подъ солнцемъ и росой Господь сѣетъ разные цвѣты. Такъ и съ языкомъ. Вотъ почему всякій народъ бережетъ свой языкъ; вотъ почему, вопреки всѣмъ и всему, мы хотимъ сохранить нашъ языкъ, который выражаетъ наши радости и горести, какъ намъ хочется“.

Немного позже Мистраль, общепризнанный глава современной провансальской поэзіи, въ стихотвореніи „Va mantene ta lengo istorico“ говоритъ: „Поддерживай твой историческій языкъ... Языкъ твой можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что ты несешь свой щитъ высоко и свободно, языкъ—таинство и старое сокровище“...

С. В. съ очевиднымъ сочувствіемъ отмѣчаетъ, что Мистраль, по окончаніи университета на 22 году, вернулся на родину съ цѣлью „поднять и оживить въ Провансѣ національное чувство, подавленное ложнымъ, ненормальнымъ воспитаніемъ, способствовать національному возрожденію путемъ развитія провансальскаго языка“.

С. В. Соловьевъ приводитъ далѣе слѣдующее разсужденіе Мистраля, уже въ расцвѣтѣ его силъ и славы: „Приходитъ часъ, когда каждый народъ, довольный своимъ жребіемъ и свободный отъ притѣсненій, поднимаетъ свои колосья, какъ зрѣлый ячмень“. Мистраль вызываетъ къ „безстрашнымъ хранителямъ родного языка“, чтобы они хранили свой языкъ свободнымъ и чистымъ, свѣтлымъ, какъ серебро... Если народъ дѣлается рабомъ, но сохраняетъ свой языкъ, то въ языкѣ онъ имѣетъ надежду и опору для освобожденія“.

С. В. Соловьевъ, глубоко проникнутый гуманизмомъ провансальской литературы, и на украинскій языкъ, украинскую литературу склоненъ былъ смотрѣть глазами Мистраля. Ему, какъ стилисту, непріятна была порча украинскаго языка, съ которымъ онъ знакомъ былъ по Шевченку, но—въ принципиальномъ смыслѣ—онъ стоялъ на почвѣ безукоризненнаго національнаго и литературнаго доброжелательства.

Всеобщая литература, какъ предметъ преподаванія, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, потому что въ этомъ предметѣ наука тѣсно связана съ литературой, стоитъ очень близко къ искусству. По самому существу своему эта научная дисциплина имѣетъ большое общее образовательное значеніе. Хотя всякій, занимающійся въ этой области, неизбежно долженъ специализироваться въ виду необъятной обширности предмета, останавливаться на романской или германской филологіи, или еще болѣе суживать рамки своихъ специальныхъ изученій отдѣльными эпохами или отдѣльными народами, но при этомъ почти неизбежно придерживается одного великаго литературнаго имени и вокругъ него сосредоточиваетъ свои главныя занятія. Такъ, Шаховъ изучалъ преимущественно Гете, Стороженко—Шекспира, Шепелевичъ—Сервантеса, Розановъ—Руссо, Соловьевъ—В. Гюго, Мистраля.

Харьковскій университетъ находился въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ: въ то время какъ во многихъ университетахъ совсѣмъ не было преподавателей по исторіи всеобщей литературы,—въ Харьковѣ ихъ было два, притомъ свѣдущихъ—Шепелевичъ и Соловьевъ; послѣ смерти Шепелевича одинъ Соловьевъ представлялъ собою настолько значительную научную силу, что въ Харьковѣ ѣхали защищать свои докторскія диссертации московскіе и варшавскіе ученые, и покойному пришлось затратить много времени и труда на отзывы о представленныхъ ими диссертацияхъ, поневолѣ затягивая окончаніе собственной.

Въ настоящее время факультетъ стоитъ передъ трудной задачей подысканія специалиста, насколько трудной, при крайней бѣдности страны въ научныхъ силахъ, видно изъ того, что при замѣщеніи кафедры по исторіи искусства, послѣ смерти профессора Рѣдина, четыре года шла переписка съ разными лицами, объявленія, приглашенія, пока опредѣлился соотвѣтствующій желаніямъ факультета специалистъ.

Всеобщая литература—предметъ такой обширный и такой важный, что для каждаго университета необходимо имѣть двухъ специалистовъ—одинъ по романской, другой—по германской филологіи; но надѣяться на такое положеніе дѣла—нынѣ нѣтъ основанія ни

съ формальной стороны, по уставу, ни по существу дѣла, по безлюдію.

Если бы культурное развитіе мѣстнаго общества было болѣе глубокимъ, если бы были мѣстные меценаты науки и просвѣщенія, то естественно могли возникнуть два научно-просвѣтительныхъ Общества — германское и романское, или, по крайней мѣрѣ, одно — германо-романское, которое приняло бы на себя такія задачи, какъ командировка молодыхъ людей за границу для изученія языка и литературы западныхъ народовъ, подготовка лекторовъ по этимъ предметамъ, организація общеобразовательныхъ экскурсій по Западной Европѣ, вообще поддержка и развитіе культурныхъ связей съ Западомъ во всемъ, что касается науки, литературы и искусства.

Со смертью Шепелевича и Соловьева въ Харьковскомъ университетѣ прекратилась солидная по научной подготовкѣ школа Кирпичникова. Оба они были его учениками. А Кирпичниковъ умѣлъ не только вызвать интересъ къ изученію западныхъ языковъ и литературы, но и дать основную руководящую нить для развитія и углубленія этого интереса въ научномъ направленіи по вѣрному историко-филологическому методу. При занятіяхъ германской филологіей, онъ въ основу клалъ готскій, средне и верхне-нѣмецкій языки, Ульфилу, Эдду; при изученіи романской филологіи — языки провансальскій, сѣверно-французскій, романъ Розы, Рабле и т. д. Такое изученіе на первое время было труднымъ; но Кирпичниковъ тянулъ, самъ занимался рядомъ со слушателями и настойчиво втягивалъ ихъ въ работу.

Близка и дорога мнѣ эта прекрасная отрасль науки, по гуманитарному своему существу, и по многимъ дорогимъ личнымъ воспоминаніямъ. Не разъ я вкушалъ сладость изъ этой золотой чаши знанія, когда сидѣлъ еще на студенческой скамьѣ и изучалъ подъ руководствомъ Кирпичникова „Божественную Комедію“ Данта, и позднѣе, когда вчитывался въ „Пѣснь о колоколѣ“ Шиллера, въ „Джинны“ В. Гюго, когда въ Гейдельбергскомъ университетѣ слушалъ лекціи о провансальскомъ языкѣ у проф. Барча, и лекціи о Гете у Куно-Фишера, когда перечитывалъ нѣмецкіе Volksbücher и геніальнаго французскаго сатирика Рабле, и думалъ магистерскую диссертацию писать о Рабле, но въ бесѣдѣ позднѣе въ Петербургѣ съ знаменитымъ въ этой области ученымъ проф. Веселовскимъ услышалъ, что трудное это дѣло — изучить Рабле, и что для того немало придется поработать во Франціи, такъ какъ въ Россіи подходящаго матеріала нельзя найти, и когда еще позднѣе, уже въ Харьковѣ, другое свѣтило науки, проф. Потебня, высказалъ мнѣ свое мнѣніе, что всеобщая литература для насъ своего рода роскошь, когда въ неразработанномъ видѣ лежитъ еще такъ много русскаго и украинскаго. Я внялъ этимъ голосамъ и свернулъ

на болѣе мнѣ близкіе и болѣе доступные пути отечественной литературы и этнографіи; но вѣяніе западной культуры сыграло свою благотворную роль и духовно меня породнило съ ихъ мѣстными литературными представителями.

Научную дѣятельность С. В. долгое время задерживали тяжелыя семейныя утраты, глубоко поражавшія любящее его сердце, и отчасти ими же вызванныя тяжкія болѣзни; но въ послѣдніе годы С. В. физически и умственно окрѣпъ и сталъ развивать большую работоспособность. Статья шла за статьей, и статьи, напримѣръ, о проф. Халанскомъ въ Журн. М. Н. Пр., содержательныя, вдумчивыя.

Научная производительность С. В., главнымъ образомъ, выразилась въ двухъ большихъ и весьма цѣнныхъ ученыхъ трудахъ—въ магистерской диссертации о легендахъ объ Іудѣ Предателѣ 1895 г. и въ докторской диссертации о романтизмѣ во Франціи и Мистралѣ.

Въ книгѣ объ Іудѣ авторъ обнаружилъ большую начитанность, умѣлое пользование фактами литературы и искусства, безукоризненную научную добросовѣстность и хорошій литературный языкъ.

Книга эта, какъ всѣ подобнаго рода спеціальныя изслѣдованія, мало извѣстна, а, между тѣмъ, это изслѣдованіе въ высокой степени полезно; стоило оно автору многихъ лѣтъ настойчиваго и добросовѣстнаго труда.

Авторъ скромно смотрѣлъ на свой трудъ, „только какъ на этюдъ“, скромно оговорилъ, что ему были недоступны западно-европейскія библіотеки, но, во первыхъ, этотъ этюдъ въ 194 стр. во вторыхъ, авторъ добросовѣстно использовалъ западную научную литературу, и, въ третьихъ, вошелъ въ глубь изученій старой русской письменности, привлекъ новый рукописный матеріалъ и въ приложеніи далъ семь русскихъ списковъ сказаній объ Іудѣ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ собраній Импер. публич. библіотеки.

Въ большую заслугу С. В. нужно поставить, что наряду съ литературными источниками онъ пользовался памятниками древнехристіанскаго и болѣе поздняго искусства.

Сказаній объ Іудѣ много; по нимъ можно прослѣдить его жизнь, начиная съ дѣтства. С. В. и построилъ свое изслѣдованіе такимъ образомъ, что оно даетъ легендарную біографію предателя.

Изслѣдованіе распадается на двѣ части. Первая часть состоитъ изъ 6 главъ—1) дѣтство Іуды, 2) преданіе Іудой Христа, 3) тридцать серебрянниковъ, 4) смерть Іуды, 5) Іуда въ аду и 6) воскресный покой Іуды въ аду. Вторая часть, меньшая по объему, состоитъ изъ двухъ главъ—1) Іуда и Эдипъ и 2) Іуда—разбойникъ и Юда—мисячый відмачъ.

Въ концѣ книги приложенъ предметный и именной указатель.

С. В. въ 1895 г. получилъ степень магистра исторіи всеобщей литературы послѣ защиты диссертациі обѣ Іудѣ въ Новороссійскомъ университетѣ. Книга была замѣчена критикой и вызвала нѣсколько рецензій.

Официальный опонентъ С. В. на магистерскомъ диспутѣ проф. Кирпичниковъ въ рецензіи, напеч. въ Зап. Новорос. универ. 1896 г. т. 68, говоритъ, что „С. В. Соловьевъ обработалъ свою тему съ большой полнотой и добросовѣстностью“, „прибавилъ къ извѣстному матеріалу немало новыхъ фактовъ и соображеній“, „внимательно использовалъ этнографическія и фольклорныя данныя“. Въ особую заслугу автору поставлено, что онъ „работу произвелъ осторожно и по строго научному методу“.

Строгий литературный судья В. М. Истринъ очень сочувственно отнесся къ труду С. В. и широко воспользовался имъ въ цѣнномъ отчетѣ о заграничной командировкѣ въ Журн. М. Н. Пр. 1896 г. ноябрь, стр. 12—23. Изложивъ сжато содержаніе диссертациі С. В., В. М. сдѣлалъ нѣсколько дополненій по греческимъ и латинскимъ текстамъ.

Въ небольшой рецензіи А. Б—на въ „Историч. Вѣстн.“ 1895 (іюль) отмѣчено, что изслѣдованіе С. В. „представляетъ очень добросовѣстный трудъ и имѣетъ несомнѣнную цѣнность“.

Докторская диссертациія нарастала постепенно въ теченіе 17 лѣтъ на почвѣ разныхъ подготовительныхъ этюдовъ, которые авторъ потомъ перерабатывалъ, провѣрялъ, дополнялъ, связывалъ и сводилъ въ одно общее художественно-научное сооруженіе. Такъ, Мистраль былъ прочитанъ сначала въ видѣ публичной лекціи со сборомъ на премію имени безвременно скончавшагося товарища проф. Рѣдина, потомъ изданъ въ XIX т. Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ. въ переработанномъ видѣ и, наконецъ, введенъ, въ диссертацию въ объемѣ втрое большемъ и въ новой тщательной обработкѣ.

Есть глубокая украинская пословица—„вечіронька на столі, а смерть за плечима“. Она оправдалась на докторскомъ трудѣ покойнаго профессора Рѣдина, который, послѣ многихъ лѣтъ чрезвычайно добросовѣстныхъ изученій, приступилъ къ печатанію докторской диссертациі, и скончался на 5 листѣ. Еще болѣе яркое приложеніе имѣетъ эта печальная сентенція къ докторской диссертациі Сергѣя Викторовича—послѣдній ея листъ въ день кончины автора печатался въ Петербургѣ въ типографіи Стасюлевича. С. В. ждалъ первые экземпляры для представленія въ факультетъ; диспутъ предполагался въ концѣ мая. Покойный послѣднее время былъ въ хорошемъ настроеніи духа: онъ чувствовалъ, что его вечіронька уже готова, но не чувствовалъ онъ близости ужаснаго рокового гостя—смерти; онъ

радовался быстрому росту общественнаго къ нему вниманія. замѣтно нараставшему общему признанію, что въ его лицѣ общество, наука, университетъ, женскіе курсы, средняя школа имѣютъ прекраснаго представителя, прекраснаго, глубоко чуткаго и сердечно-нѣжнаго человѣка.

Докторская диссертация С. В. Соловьева состоитъ изъ ряда специальныхъ статей по исторіи стараго и новаго романтизма во Франціи. Хотя статьи по внутреннему содержанію обособлены, но онѣ связаны единствомъ плана, единствомъ страны, которой посвящены, главное, единствомъ литературнаго направленія — романтическаго, какъ опытъ историческаго его освѣщенія, вполне согласно съ выставленнымъ въ началѣ первой статьи эпиграфомъ изъ Брюнетьера, что *la definition du romantisme n'est pas une question d'etymologie, ni de doctrine, mais d'histoire*. Первая глава, или первый этюдъ озаглавленъ: „Изъ исторіи романтической поэтики во Франціи“, и ко всей книгѣ приложимъ этотъ заголовокъ, притомъ не только въ излюбленномъ нѣмецкими учеными смыслѣ *Zur Geschichte*, — т.-е. „къ исторіи“ а въ болѣе широкомъ русскомъ смыслѣ „изъ исторіи“, т.-е. не въ смыслѣ случайныхъ этюдовъ, а въ смыслѣ объединенныхъ общей идеей историческихъ очерковъ широко понимаемаго литературнаго движенія, по всей своей обстановкѣ очень широкаго и многовѣтвистаго.

Первыя три главы представляютъ критическій разборъ трехъ докторскихъ диссертаций о романтизмѣ — профессоровъ Делабарта, Розанова и Замотина, причемъ авторъ привноситъ много новыхъ соображеній по запутанному вопросу о происхожденіи и значеніи романтизма. Такъ, не только въ русской, но и французской ученой литературѣ, вѣроятно, будетъ отмѣчено, какъ цѣнный вкладъ, выясненіе важной роли Фориеля.

Обширная и содержательная статья объ эволюціи литературныхъ взглядовъ главы французскаго романтизма Виктора Гюго ярко обрисовываетъ этого талантливаго литературнаго и политическаго дѣятеля, причемъ авторъ мѣтко вскрываетъ ходъ мыслей и настроеній поэта подъ вліяніемъ измѣненія его политическихъ убѣжденій.

Особенно хороша послѣдняя, наиболѣе обширная глава о Мистралѣ, главнымъ представителѣ современной провансальской литературы, съ предварительнымъ очеркомъ старой провансальской поэзіи. Простота, искренность и гуманность Мистраля, отдавашаго весь свой большой талантъ родному краю, нашли въ С. В. чуткаго, отзывчиваго цѣнителя, и далекая отъ насъ поэзія стараго Прованса передана съ такой любовью, что читатель переносится мыслью и воображеніемъ въ ту чудную страну далекаго юга, гдѣ все улыбается и все зеленѣетъ. Авторъ одновременно выдвигаетъ гуманную сторону но-

вой провансальской поэзіи, ея служеніе народу въ дѣлѣ раскрытія лучшихъ сторонъ его жизни и творчества.

Смерть коварна. Наканунѣ кончины С. В. былъ у меня, бодрый и веселый. Наканунѣ смерти онъ чувствовалъ какое-то особенно-жизнерадостное настроеніе и даже сказалъ о томъ въ университетѣ одному изъ своихъ товарищей. Въ его рѣчи, въ глазахъ, въ смѣхѣ чувствовался приливъ жизни свѣтлой и радостной, и, вдругъ, сердце, съ любовью открытое всему міру, товарищамъ, слушателямъ, сразу остановилось, и жизнь улетѣла, какъ чудная сказка.

